

М.Ф. Кунтыш

О некоторых факторах, организующих лексическую структуру текста*

Не вызывает сомнений, что текст является важнейшей из лингвистических сущностей, поэтому вполне закономерно, что в последнее время проблематика текста выдвинулась на одно из первых мест в языкознании.

При всем разнообразии взглядов на проблемы текста наблюдается абсолютное единство в признании основополагающим параметром текста, его организующим принципом связности. Связность предопределяет цельность, а связность и цельность являются условием текстуальности. Понимание текста как структуры, все элементы которой тесно связаны и взаимно обусловлены, является основным принципом, на котором основываются исследователи текста, такие, например, как В.М. Солнцев, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, З.Я. Тураева, М.И. Откупщикова и другие. Изучение же структурных компонентов текста невозможно без учета семантической стороны, что отмечают Ю.М. Лотман, И.Я. Чернухина и другие.

Невозможно отрицать, что текст воспринимается как структурно-семантическое единство во многом благодаря связям и отношениям слов, основная смысловая нагрузка слова в любом тексте очевидна. Однако до сих пор отсутствует цельная картина лексического уровня текста, хотя об отдельных лексических особенностях текста, о функционировании отдельных лексем говорится, например, в работах Ф. Панна, И.П. Севбо, Г.Я. Солганика, Л.М. Лосевой, Е.А. Реферовской, А.П. Клименко, И.В. Арнольд и других.

В научных исследованиях последнего времени высказывается плодотворная мысль о том, что лингвистический анализ текста должен быть направлен не столько на отдельные языковые факты, сколько на способ их соотносительности, организации.

Предлагаемая статья посвящена анализу лексической структуры художественного текста. На примере рассказа А.П. Чехова "Страх" рассмотрим, как формируют лексическую структуру текста субъектная и предикатная системы, лексико-тематические группы, распределение слов в тексте, анализируемые нами во взаимосвязи и с учетом содержания произведения.

Субъекты и предикаты, характеризующиеся различными способами и средствами выражения, являются важнейшими текстообразующими факторами, тематика субъектов и предикатов отражает содержание произведения.

В тексте осуществляется взаимосвязь и взаимопроникновение слов разных тематических групп, ведь в тексте они приобретают специфические функции и в конечном итоге подчиняются единой цели – раскрытию внутреннего мира персонажей. Лексико-тематические группы имеют свою внутреннюю иерархию, распределение по тексту, движение в тексте, что отражает развитие сюжета повествования.

* На материале рассказа А.П. Чехова "Страх"

В силу антропоцентричности художественных произведений в центре их изображения оказываются персонажи. Обозначения персонажей, образуя длинные цепочки повторов, обеспечивают связность и смысловую целостность текста. В исследуемом нами рассказе три основных действующих лица, презентация которых осуществляется в 1-м абзаце. Характер распределения номинаций персонажей различен. Практически в каждом абзаце встречаются обозначения героя-рассказчика. И это не случайно, так как у этого персонажа две функции: это не только персонаж, восприятием которого организован рассказ, но и действующее лицо своего повествования. Первичная номинация (по взаимоотношениям с "автором") этому персонажу дана в подзаголовке произведения ("Рассказ моего приятеля"). Понятно, что рассказ от 1-го лица, следовательно, обычным и постоянным обозначением героя-рассказчика является местоимение 1-го лица единственного числа. В обращении центрального персонажа к герою-рассказчику встречаются лексически полные номинации: *дорогой мой, друг, голубчик*. В них проявляется отношение Силина к своему другу.

Дмитрий Петрович Силин – это первичная номинация центрального персонажа. Употребляются также относительные номинации Силина: муж (Марии Сергеевны) и друг (рассказчика). Особо выделяется оценочное обозначение – *замученный человек*, встречающееся в самом начале рассказа. Оно не случайно, сразу в произведении намечается сопоставление образов людей, лишённых радости и счастья жизни, мучеников – Силина и Сорока Мучеников.

Порядок употребления местоименных субститутов имени собственного таков: сначала выделяется по количеству употреблений местоимение 3-го лица единственного числа, в центральной части рассказа главенствующее положение занимает местоимение 1-го лица (исповедь героя), далее основным опять становится местоимение 3-го лица.

Героиня впервые упоминается через обозначение по отношению к представленному ранее герою – *жена* (Силина). Номинационную цепочку ее составляют следующие обозначения: *жена, Мария Сергеевна, женщина, Маша, блондинка, прекрасное создание*. Среди местоименных заменителей по количеству употреблений выделяется местоимение 3-го лица единственного числа, так как образ Марии Сергеевны дан через восприятие героя-рассказчика и Силина.

Итак, как уже отмечено выше, основные персонажи представлены в 1-м абзаце текста рассказа.

В двух последующих абзацах значимы предикаты, характеризующие эмоциональное отношение героя-рассказчика к супругам (*любил, дружба, нравилась, влюблен не был*); существенна и эмоциональная оценка персонажей героем-рассказчиком (*умный, добрый, нескучный и искренний человек; красивая и изящная женщина*). Таким образом, первые абзацы можно считать экспозиционными.

В 4-м абзаце появляется еще один персонаж – Сорок Мучеников. Н.М.Фортунов отмечает у этого персонажа "роль существеннейшего формообразующего фактора" и "символическое значение" [1].

Постоянной для этого героя является номинация по прозвищу, определяющая сущность не только этого образца, но и сущность образца центрального персонажа, с которым тот сопоставляется. Прозвище говорит о том, что страдания этого человека у всех на виду. При упоминании Сорока Мучеников некоторые основы (*почтительное/почтительно, вздохнул/вздохи*) повторяются, что позволяет говорить об исключительном значении соответствующих понятий для понимания сущности этого образа.

В рассказах А.П. Чехова, как правило, нет развернутых изображений внешнего облика персонажей, портрет строится на одной-двух деталях, наиболее характерных. Так, в описании Силина выделяются определения глаз (*искренние и немножко испуганные*) и голоса (*мягкий, душевный, точно умоляющий*), выявляющие внутреннюю сущность характера. Что касается героини, то в начале обозначается лишь эмоциональное отношение героя-рассказчика к ее внешнему облику (*нравились ее лицо, голос, походка*) и дается его оценка посредством определений к номинации героини (*молодая, красивая и изящная женщина*). Далее в репликах Силина выделяются следующие детали внешности Марии Сергеевны: "...она с каждым днем все хорошеет, она становится удивительной ...волосы у нее замечательные, а улыбается она, как ни одна женщина". Вновь видим лишь эмоционально-оценочную характеристику внешнего облика героини. В дальнейшем повторяется эта характеристика уже с точки зрения героя-рассказчика: "...я находил, что у нее в самом деле замечательные волосы и что улыбается она, как ни одна женщина". Отметим в данном случае и лексическую адекватность высказываний. Далее описание развивается за счет номинаций частей тела с более конкретными, более объективными определениями: *белые, пухлые руки; холодное, равнодушное лицо; большие, ясные глаза; бледное лицо*. О возрастании внимания героя-рассказчика к внешнему облику героини свидетельствует следующая фраза: "...и тут впервые я заметил, что у нее золотистые брови, чудные брови, каких я раньше никогда не видел". И вновь, как мы видим, преобладающими становятся оценочные определения: *чудные брови, замечательные волосы, роскошное тело, прекрасное создание, она казалась мне прекрасным сном*. Названные обозначения частей тела тесным образом связаны с предикатами зрительного восприятия, соединяющимися с номинациями героя-рассказчика. Рассказ "Страх" отличается многочисленностью и особой функциональностью таких предикатов. Глаголы *следить, видеть, (по) смотреть, заметить*, расположенные в средней части произведения, фиксируют возрастающее внимание героя-рассказчика к внешнему облику, поведению, эмоциональному состоянию Марии Сергеевны после посвящения рассказчика в тайну семейной жизни Силина.

Номинации частей тела, не отличающиеся многочисленностью, но распространенные по всему тексту, участвуют в описании и оценки внешности, в передаче эмоционального состояния посредством называния жестов и мимики.

Широко представлена в рассказе лексико-тематическая группа обозначений чувств и внешнего проявления эмоционального состояния. Такая лексика пронизывает весь текст и на протяжении рассказа представлена различным образом.

Так, прямыми обозначениями душевного состояния насыщена "философия" Силина. *Страшный, страшно, испуганный, бояться, страх, боязнь, ужас, тревожить, испугаться* – такие лексемы, объединенные одним понятием, встречаются в тексте 40 раз.

В тексте рассказа наблюдается тесная связь слов тематической группы обозначений эмоционального состояния и слов со значением знания и понимания, можно говорить даже о причинно-следственных связях двух лексико-тематических групп. "Страшно то, что непонятно". Цепочка слов со значением мыслительных процессов представлена следующим образом: *(не) понимать-понять, непостижимо, непонятно, (не) знать, не способен различать, сознаю, мысль, не думать*. Как отмечает В.Я. Линков, героям Чехова свойственно непонимание в широком смысле этого слова, непонимание самих себя, близких, действительности, этим во многом определяются конфликт, настроение и пафос произведений Чехова [2].

Выработанный Чеховым подход к оценке жизненного явления с позиции человека, "ничего не понимающего в жизни", Э. Симмонс расценивает как новую ступень в развитии русского реализма. Чеховский реализм, по мнению Э. Симмонса, "подчеркивал не события, происходившие в жизни, а внутреннюю реакцию героев на них" [3].

Если в прямой речи эмоциональное состояние Силина передают прямые номинации эмоций, то в дальнейшем внутреннее состояние героя характеризуют предикаты, называющие внешнее проявление его. Герой-рассказчик видит смятение Силина, он подмечает детали в его внешности и действиях, что в тексте выражается в соединении с номинациями Силина предикатов, называющих мимические и жестикуляторные движения: *вдохнул, помял лицо руками, крикнул и засмеялся; как-то странно улыбнулся; кашлянул, обеими руками надел на голову фуражку*. Лишь в конце произведения вновь с элементами предположительности появляются прямые номинации эмоций Силина: *вероятно, ему было страшно, точно боясь погони*.

Мотив страха перед жизнью усиливается, нарастает и достигает кульминации, когда герой открывает измену жены и предательство друга. Теория Силина получила реальное подтверждение событиями, происшедшими на глазах читателей.

Переживания героя-рассказчика изображаются изнутри.

По признаку "приятное-неприятное" предикаты можно разделить на две группы: 1) *было приятно, было весело думать, был рад*; 2) *чувствовал неловкость, становился вял, неловок и скучен, было неловко и грустно*. Герой-рассказчик в одно и то же время испытывает противоречивые чувства: *было неловко и грустно и было приятно* (когда узнал о семейной тайне Силина); *томило очаровательное чувство, испытывал восторг и чувствовал неловкость, было не по себе* (когда узнал о любви к нему Марии Сергеевны).

Интересно отметить, что чувство страха получает как бы "пространственное" распространение, захватывая в конце концов и героя-рассказчика. *Страх, страшно, недоумение, отчаяние* – эти лексемы характеризуют эмоциональное состояние героя-рассказчика в конце произведения. "Страх Дмитрия Петровича, который не выходил у меня из головы, сообщился и мне". Изменения эмоционального состояния наблюдается только у героя-рассказчика, оно героем в полной мере не осознается: "До сих пор не могу разобраться в своих тогдашних чувствах".

А.О. Дерман указывает, что в статье А.Г. Горифельда [4] было обращено внимание на одну характерную черту в конце многих рассказов Чехова: автор расстаётся со своим героем в тот момент, когда задумывается, погружается в размышления после того, что им пережито в результате описанных событий [5]. Лингвистическое выражение это находит в предикатах мышления ("Я думал о том, что случилось...") и обилии вопросительных предложений в несобственно-прямой речи: "Зачем я это сделал? Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой? Причем тут фуражка?"

Кстати, слово *фуражка* упоминается в рассказе пять раз. В текстах рассказов А.П.Чехова отмечается такая особенность: явно выделяется одна номинация, повторяющаяся 4-6 раз и несущая особую семантическую нагрузку. Такое неоднократное повторение особенно существенно на фоне относительно небольшого количества в тексте наименований одежды, обуви, головных уборов. В каждом конкретном случае подобный повтор мотивирован. Так, фуражка, забытая Силиным в комнате друга, оказалась той деталью, которая сделала явным предательство друга и измену жены.

В раскрытии характеров героев существенную роль играют описания природы. В пейзаже отобран минимум деталей: *высокие, узкие клочья тумана и луна*. Эти детали, составляющие картину, повторяются на протяжении всего рассказа. Номинациям объектов природы свойствен периодический характер распределения. Картины природы воспринимаются героями в зависимости от их психологического состояния.

Номинация объекта природы выступает в качестве оценки Силиным своих взаимоотношений с женой: "Это туман, потемки..."

Н.М. Фортунатов считает, что "пейзаж становится фактором, формирующим движение сюжета, он отчетливо вычленяет, дает возможность ясно ощутить отдельные стадии, отдельные этапы истории" [6].

Итак, текст – сложное структурно-семантическое единство, в котором лексические единицы имеют определенную функциональную направленность и выражают идейно-художественное содержание произведения. В текстообразовании произведения активно участвуют номинации персонажей. Через тематическую линию обозначений главных и второстепенных персонажей устанавливается логическое единство, без которого невозможна связность текста. Количество обозначений конкретных героев и характер их распределения на протяжении рассказа определяются важностью роли этих образов в раскрытии главной идеи произведения. Среди всех персонажей выделяется один, обозначения которого имеют сквозной характер распределения. Центральный персонаж в рассказе сопоставляется с второстепенным персонажем, что часто встречается в произведениях А.П. Чехова. Как отмечает М.В. Кузнецова, "один герой как бы "договаривает то, что совсем не сказано или сказано лишь частично о другом" [7]. Некоторая аналогия в судьбах персонажей находит выражение и в лексической стороне текста (прямые сравнения, значимый выбор автором одних и тех же лексических единиц).

Лексическая структура текста может быть представлена в виде совокупности лексико-семантических групп. Наиболее значимой в пределах всего текста остается тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления. В данном тексте особенно выделяется лексика со значением отрицательной эмоции страха. В качестве средств передачи эмоционального состояния используется лексика различных тематических групп. Обозначения эмоционального состояния тесно связаны причинно-следственными отношениями с предикатами мышления.

Периодический характер распределения свойствен номинациям объектов природы. Пейзажные описания отражают настроение персонажей.

Таким образом, существенными факторами, организующими лексическую структуру текста, обеспечивающими связность и развитие его содержания, являются:

а) субъектно-предикатная система (обозначения персонажей в соотношении, взаимодействии с предикатами различной семантики);

б) комплекс лексико-семантических групп, определяющий тематику произведения, формирующий его содержание, представляющий собой систему, в которой взаимосвязаны лексемы с разными значениями;

в) связанное с тематическим развитием и прагматической направленностью произведения неоднородное распределение номинаций в тексте в зависимости от значительности их (или ЛСГ в целом) информативных и эстетических функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Фортунатов Н.М.** Архитектоника чеховской новеллы. Спецкурс. Горький, 1975. С. 101.
2. **Линков В.Я.** Чехов – писатель эпохи всеобщего обособления // Русская литература 1870-1890 годов. Вып. 10. Свердловск, 1977. С.95.
3. **Simmons E.** Introduction to Russian Realism: Pushkin, Dostoevsky, Gogol, Tolstoy, Chehov, Sholohov. Bloomington, 1965. S.185.
4. **"Красная новь"**, 1939, N 8, 9.
5. **Дерман А.О.** О мастерстве Чехова. М.: Советский писатель, 1959, С.86.
6. **Фортунатов Н.М.** Указ. Соч. С.24.
7. **Кузнецова М.В.** Творческая эволюция А.П.Чехова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С.109.

S U M M A R Y

The article deals with the factors forming lexical structure of the text: the subject-predicate system, lexico-thematic groups and the way of organizing the words and the matic groups in the text.